

мотивы. Скорее всего можно допустить, что наряду с личными мотивами общеполитические моменты сыграли все же главную роль в перемене его настроения. Во всяком случае, поворот Схолария был очень знаменателен, ибо показал, что среди колеблющейся части ортодоксов произошел перелом в пользу унии.

Вслед за Схоларием перешли на сторону унии такие влиятельные участники собора, как Антоний Гераклеяский, Досифей Монемазийский и др. Марк Эфесский с горечью признал успехи своих противников, говоря, что „латинизм нас завоевывал мало-помалу“.¹⁰¹ Вместе с тем, влияние латинофилов, в частности, Виссариона и Исидора, значительно возросло. По словам Сиропула, они заняли первое место при императоре, вступившем с ними в тайные переговоры, и под конец Флорентийского собора сосредоточили в своих руках все нити переговоров с папством. Латинофилы пошли теперь даже дальше самого императора, заявив, что если император не соединится с латинянами, то они сами это сделают.¹⁰²

Ожесточение в борьбе партий достигло крайних пределов. Противники осыпали друг друга бранью; Виссарион публично назвал Марка Эфесского „бесноватым“, а Дорофей Митиленский и Мефодий Лакедемонский хотели донести папе, что Марк называл римского первосвященника еретиком.

Параллельно падало влияние Марка Эфесского. Его упорство и строптивость раздражали императора. Существует мнение, что император задержал Марка под арестом во время заключительных переговоров на соборе, чтобы он не мешал подписанию унии. Садов отрицает это, ссылаясь на утверждение самого Марка, будто бы участвовать в заключительных прениях ему помешала болезнь, но скорее можно допустить, что болезнь была лишь благовидным предлогом, которым Марк хотел скрыть свой арест.

Под давлением обстоятельств, а также при энергичном воздействии латинофилов и императора, греки пошли, наконец, на уступки и признали подлинность творений отцов западной церкви, а отсюда был только один шаг до признания латинского учения.

Окончательное согласие на унию было вскоре достигнуто. Греки пошли на уступки почти по всем вопросам, разделявшим церковь. Лишь один пункт вызвал решительное сопротивление греков и самого императора. Это вопрос о супрематии папы, вопрос наиболее болезненный для греков и задевавший интересы императора. Иоанн Палеолог даже чуть было не прервал переговоры из-за чрезмерных притязаний папства по этому вопросу. Знаменательно, что и здесь латинофилы пошли дальше императора и поддержали требования латинян, например требование включить в соборное определение право папы принимать апелляции на императора и патриарха, что особенно больно задело Иоанна Палеолога; он горестно сетовал, что „сами греки поддерживали и даже подстрекали латинян в их чрезмерных требованиях“¹⁰³ (явный намек на Виссариона и его друзей).

Но и по этому вопросу удалось достигнуть соглашения, причем латинофилы проявили немало дипломатического искусства; была принята довольно расплывчатая формулировка о признании папы наместником Христа, пастырем и учителем всех христиан. Требование об апел-

¹⁰¹ Migne, t. 159, p. 1076.

¹⁰² Syrop. 9, 1—6.

¹⁰³ Syrop. X, 3, 281.